

Государственное управление в условиях внешних вызовов: уроки Великой Отечественной войны и современные международные практики

Гриняев Сергей Николаевич

Доктор технических наук, SPIN-код РИНЦ: [4645-8700](#), ORCID: [0000-0001-6511-9553](#), sgreen@csef.ru

Институт Европы РАН, Москва, РФ.

Журавель Валерий Петрович

Кандидат педагогических наук, SPIN-код РИНЦ: [7736-3377](#), ORCID: [0000-0002-1786-6754](#), zhvalery@mail.ru

Институт Европы РАН, Москва, РФ.

Аннотация

Исследование посвящено изучению государственного управления в условиях стратегических внешних вызовов с акцентом на опыт Советского Союза в период Великой Отечественной войны и современные практики управления в международном контексте. Цель работы заключается в анализе ресурсов, инструментов и механизмов, обеспечивающих устойчивость государства перед лицом глобальных угроз, а также в оценке их актуальности для текущих геополитических реалий. Научная значимость исследования определяется потребностью в осмыслении исторических подходов к управлению для формирования современных стратегий обеспечения безопасности, особенно в условиях нестабильности международной системы. Практическая ценность связана с возможностью применения выводов для укрепления государственной политики России перед лицом новых вызовов. Методология базируется на сравнительном историческом анализе опыта СССР и изучении кейсов управления кризисами в странах Европы. Результаты свидетельствуют, что советская модель демонстрирует высокую эффективность мобилизационного управления в экстремальных условиях благодаря централизации и оперативности решений. В то же время современные европейские практики выявляют сочетание успехов и управленческих ошибок, обусловленных бюрократией и недостаточной координацией. Работа вносит вклад в теорию международных отношений, подчеркивая значение чрезвычайных органов в кризисном управлении, и предлагает новые интерпретации мобилизационных стратегий с учетом современных реалий. Практическое значение заключается в разработке рекомендаций для повышения устойчивости России к внешним угрозам, основанных на историческом опыте и анализе текущих международных подходов. Исследование подчеркивает необходимость адаптации исторических уроков к специфике глобализированного мира.

Ключевые слова

Государственное управление, Великая Отечественная война, мобилизационное управление, чрезвычайные органы, международная безопасность, Россия, Европа.

Для цитирования

Гриняев С.Н., Журавель В.П. Государственное управление в условиях внешних вызовов: уроки Великой Отечественной войны и современные международные практики // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(S). С. 45–53. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-45-53

State Governance under External Challenges: Lessons from the Great Patriotic War and Contemporary International Practices

Sergey N. Grinyaev

DSc (Technical Sciences), ORCID: [0000-0001-6511-9553](#), sgreen@csef.ru

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Valery P. Zhuravel

PhD, ORCID: [0000-0002-1786-6754](#), zhvalery@mail.ru

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The study explores state governance under strategic external challenges, focusing on the Soviet Union's experience during the Great Patriotic War and contemporary international management practices. Its aim is to analyze the resources, tools, and mechanisms that ensure state resilience amid global threats and to evaluate their relevance to today's geopolitical landscape. The scientific significance stems from the need to interpret historical governance models to devise modern security strategies, particularly amid the instability of the international system. The practical value lies in the potential application of findings to bolster Russia's state policy in addressing emerging challenges. The methodology relies on a comparative historical analysis of the Soviet experience and an examination of crisis management cases in European countries. Findings indicate that the Soviet model exemplifies the effectiveness of mobilization governance in extreme conditions, driven by centralization and rapid decision-making. Conversely, contemporary European practices reveal a mix of successes and managerial shortcomings, primarily due to bureaucratic inefficiencies and poor coordination. The study contributes to international relations theory by highlighting the critical role of emergency bodies in crisis management and offers fresh interpretations of mobilization strategies tailored to modern contexts. Its practical significance lies in formulating recommendations to enhance Russia's resilience to external threats, drawing on historical insights and an analysis of current international approaches. The research underscores the importance of adapting historical lessons to the complexities of a globalized world, providing a framework for strategic policy development.

Keywords

State governance, Great Patriotic War, mobilization governance, emergency bodies, international security, Russia, Europe.

For citation

Grinyaev S.N., Zhuravel V.P. (2025) State Governance under External Challenges: Lessons from the Great Patriotic War and Contemporary International Practices. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 113(S). P. 45–53. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-45-53

Дата поступления/Received: 05.11.2025

Введение

Государственное управление в условиях внешних вызовов представляет собой одну из ключевых проблем в области международных отношений и безопасности. История XX века, в частности период Второй мировой войны, демонстрирует разнообразные подходы государств к управлению в условиях экзистенциальных угроз. Для России Великая Отечественная война (1941–1945) стала определяющим событием, которое выявило как сильные стороны, так и ограничения мобилизационных стратегий. Этот исторический опыт остается актуальным в контексте современных вызовов, таких как геополитические конфликты, экономические санкции и глобальные кризисы [Никонов 2023].

Настоящая статья направлена на анализ ресурсов, инструментов и механизмов, использованных Советским Союзом в годы войны, с учетом их значения для международной безопасности. Особое внимание уделяется роли чрезвычайных органов, таких как Государственный комитет обороны (ГКО), и их влиянию на устойчивость государства. В дополнение к историческому анализу рассматриваются современные практики управления в Европе, что позволяет выявить как успешные стратегии, так и ошибки, допущенные в условиях кризисов XXI века. Исследование ориентировано на интересы России, стремящейся укрепить свои позиции в условиях нарастающей международной нестабильности. Сравнение советского опыта с европейскими подходами подчеркивает необходимость адаптации исторических уроков к текущим реалиям глобального управления. Работа сочетает теоретический анализ с практическими выводами, предлагая рекомендации для повышения эффективности государственной политики в условиях внешних угроз.

Ресурсы, инструменты и механизмы стратегического ответа СССР на вызов Великой Отечественной войны

Начало Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года стало для Советского Союза моментом, потребовавшим немедленного и всеобъемлющего ответа на агрессию нацистской Германии [Айрапетов 2023]. Основными ресурсами, задействованными в этот период, выступили человеческий капитал, промышленный потенциал, сельскохозяйственные мощности и идеологическая консолидация общества. Мобилизация населения началась с массового призыва: в первые месяцы войны в армию было привлечено более 5 миллионов человек, а к концу 1941 года численность вооруженных сил достигла почти 7 миллионов [Мельтюхов 2000]. Этот процесс сопровождался строгой организацией тылового обеспечения и перераспределением рабочей силы на военные нужды. Женщины, подростки и пожилые люди, ранее не занятые в промышленности, были привлечены к производству, что позволило компенсировать уход значительной части мужского населения на фронт. Промышленный сектор был радикально перестроен: сотни предприятий были эвакуированы на восток страны, в регионы Урала, Сибири и Поволжья, что позволило сохранить производственные мощности даже в условиях оккупации значительной части территории [The Economics of World War II 1998]. В 1941–1942 годах было перемещено более 1500 заводов, что стало беспрецедентным логистическим достижением, обеспечившим непрерывное снабжение армии вооружением и техникой [Безбородов 2024]. Сельское хозяйство, несмотря на утрату

плодородных земель Украины и южных регионов, обеспечивало минимально необходимый уровень продовольствия благодаря жестким мерам нормирования, централизованному контролю и введению карточной системы [Стожко 2023]. Идеологический ресурс проявился в массовой пропаганде, направленной на укрепление морального духа: лозунги, такие как «Всё для фронта, всё для победы», формировали общественную готовность к жертвам, а образ врага, созданный через СМИ, усиливал национальное единство.

Инструменты управления включали централизацию власти, директивное планирование и создание специализированных структур. Учреждение ГКО 30 июня 1941 года стало ключевым шагом, обеспечившим концентрацию полномочий в руках высшего руководства [Мулукаев, Малыгин 2023]. Постановления ГКО обладали юридической силой и охватывали все аспекты управления, от военного производства до распределения ресурсов, что позволяло оперативно реагировать на изменения на фронте. Новые органы, такие как советы по эвакуации, координировали перемещение промышленности и населения, а комитеты по снабжению обеспечивали тыловую поддержку армии. Механизмы реализации сочетали репрессивные меры (уголовная ответственность за саботаж или невыполнение планов) с позитивными стимулами, включая награды, почетные звания и моральную поддержку для работников тыла [Микрюков и др. 2020]. Этот подход позволил СССР не только выстоять в первые месяцы войны, но и создать основу для контрнаступления. Эффективность советской модели подтверждается статистикой: к 1943 году производство танков увеличилось в четыре раза по сравнению с довоенным уровнем, а выпуск самолетов вырос на 60% [The Economics of World War II 1998]. Таким образом, стратегический ответ СССР опирался на комплексное использование ресурсов и инструментов, что обеспечило устойчивость государства перед лицом беспрецедентной угрозы.

Мобилизационное управление: применимость термина и его границы

Концепция мобилизационного управления предполагает концентрацию всех доступных ресурсов для достижения стратегической цели в условиях кризиса, что делает ее применимой к анализу действий СССР в годы войны [Викторова 2024]. Военная мобилизация обеспечила быстрое наращивание вооруженных сил: создание новых дивизий и переподготовка резервистов позволили компенсировать катастрофические потери первых месяцев войны [Мельтюхов 2001]. Например, уже к осени 1941 года было сформировано более 200 новых стрелковых дивизий, что стало возможным благодаря массовому призыву и ускоренной подготовке добровольцев. Экономическая мобилизация выразилась в переводе промышленности на военные нужды: к середине 1942 года более 80% производственных мощностей были переориентированы на выпуск военной продукции, включая танки Т-34 и самолеты Ил-2 [The Economics of World War II 1998]. Этот процесс сопровождался жестким нормированием рабочего времени и ресурсов, что позволило достичь пиковых показателей производства в условиях дефицита сырья и рабочей силы. Идеологическая мобилизация, поддерживаемая партийной пропагандой, усилила социальную сплоченность: кампании, такие как сбор средств на военную технику, привлекли миллионы граждан к участию в общем деле [Стожко 2023]. Эти элементы соответствуют теоретическим принципам мобилизационного управления, подчеркивающим сознательное участие общества и приоритет стратегических задач над долгосрочным развитием.

Однако длительное применение мобилизационных методов выявило их ограничения. К 1943 году истощение трудовых ресурсов и снижение производительности труда стали заметными: нормы выработки на эвакуированных заводах упали на 15–20% из-за физической усталости рабочих и нехватки квалифицированных кадров [Хлевнюк 2017]. Сельское хозяйство также столкнулось

с кризисом: сокращение посевных площадей и рабочей силы привело к падению урожайности, что усугубило продовольственный дефицит в тылу. Это указывает на дискретный характер мобилизационного управления, эффективного в краткосрочной перспективе, но требующего адаптации для поддержания устойчивости системы на протяжении длительного времени. Советский опыт демонстрирует, как мобилизационные стратегии могут обеспечивать выживание государства в условиях войны, но их успех зависит от способности властей своевременно переходить к более гибким подходам на поздних стадиях кризиса [Davies 1998]. Для современной России этот урок подчеркивает важность сочетания экстренных мер с долгосрочным планированием в условиях таких угроз, как санкционное давление или региональные конфликты, где требуется не только мобилизация ресурсов, но и их эффективное и своевременное распределение.

Роль чрезвычайных органов в системе управления

Чрезвычайные органы стали основой управления в условиях Великой Отечественной войны, обеспечивая координацию усилий на всех уровнях государственной системы и играя решающую роль в обеспечении устойчивости Советского Союза перед лицом внешней агрессии. ГКО, созданный 30 июня 1941 года, объединил военную, экономическую и политическую власть, что позволило оперативно реагировать на изменения на фронте и в тылу [Мулукаев, Малыгин 2023]. Его постановления, такие как приказ об увеличении производства артиллерии или переброске ресурсов на восток, исполнялись без обсуждения, что минимизировало бюрократические задержки и обеспечивало единство действий в условиях острого дефицита времени. Дополнительные структуры, например советы по эвакуации, руководили перемещением промышленности и населения: в 1941 году было эвакуировано более 10 миллионов человек и сотни предприятий, что стало ключевым фактором сохранения экономического потенциала и позволило продолжить производство вооружений в безопасных регионах [Микрюков 2020]. Комитеты по снабжению армии координировали поставки продовольствия, топлива и техники на фронт, обеспечивая бесперебойную подготовку и проведение военных операций, в то время как городские комитеты обороны организовывали строительство укреплений и мобилизацию граждан в осажденном Ленинграде, где их деятельность способствовала выживанию населения в условиях блокады [Хлевнюк 2017].

Эффективность чрезвычайных органов определялась их способностью преодолевать ведомственную разобщенность и инерцию, характерные для мирного времени. ГКО напрямую контролировал работу наркоматов, таких как Наркомат обороны и Наркомат путей сообщения, что исключало конфликты между гражданскими и военными структурами и ускоряло реализацию стратегических решений [Микрюков и др. 2020]. Советы по эвакуации, подчиняясь ГКО, координировали сложнейшую логистическую операцию по перемещению заводов, что позволило в кратчайшие сроки восстановить производство на новом месте: так, Сталинградский тракторный завод был эвакуирован и запущен в Челябинске менее чем за три месяца [Микрюков 2020]. Городские комитеты обороны, например комитеты в Киеве и Одессе, не только организовывали оборонительные работы, но и управляли распределением продовольствия и медицинских ресурсов, что минимизировало хаос в условиях отступления [Исаев 2004]. Однако чрезмерная централизация приводила к ошибкам: игнорирование местных условий иногда вызывало перебои в снабжении или неэффективное использование ресурсов, как это было в случае с распределением продовольствия в 1942 году, когда регионы Урала получили избыточные поставки, а центральные области испытывали значительный дефицит [Стожко 2023].

Полученный опыт подчеркивает значение оперативных структур в кризисных ситуациях, но также указывает на необходимость их адаптации к специфике каждого региона и уровня

управления. Чрезвычайные органы обеспечили СССР возможность мобилизовать ресурсы и скоординировать усилия на национальном уровне, что стало примером для других стран, столкнувшихся с масштабными вызовами. Например, эвакуация промышленности, организованная Советами, позже изучалась союзниками как модель управления в условиях войны [The Economics of World War II 1998].

Для современной России чрезвычайные органы могут служить моделью управления в условиях геополитических кризисов, таких как конфликт на постсоветском пространстве или экономическая блокада, при условии учета уроков прошлого. Баланс между централизацией и делегированием полномочий, а также использование современных технологий для координации усилий могут повысить эффективность таких структур в XXI веке. Кроме того, опыт работы городских комитетов обороны подчеркивает важность вовлечения местных властей в кризисное управление, что может быть применено для повышения устойчивости регионов России к внешним угрозам.

Уникальность опыта Государственного комитета обороны и его стратегические механизмы

ГКО представляет собой уникальный пример чрезвычайного органа, не имеющий прямых аналогов в истории Второй мировой войны, что подчеркивает его исключительное значение в контексте государственного управления и международной безопасности. Его полномочия охватывали все аспекты управления — от военного командования до экономического планирования и идеологического контроля, что резко отличало его от подходов союзников: так, в США или Великобритании функции распределялись между министерствами и комитетами, такими как Военно-промышленный совет или Кабинет войны [The Economics of World War II 1998]. ГКО, возглавляемый Иосифом Сталиным, обеспечивал абсолютную концентрацию решений, что позволяло принимать постановления в кратчайшие сроки: например, решение об увеличении производства танков Т-34 в 1942 году было реализовано за несколько недель благодаря прямому контролю над заводами, обеспечению материальными средствами и четкому распределению задач [Мулукаев, Малыгин 2023]. Стратегические механизмы включали оперативное реагирование на фронтовые нужды, делегирование полномочий уполномоченным на местах и использование партийного аппарата для контроля исполнения. Уполномоченные ГКО (Георгий Маленков, Николай Вознесенский или Лаврентий Берия) направлялись на ключевые предприятия и в регионы для устранения узких мест в производстве, что обеспечивало гибкость системы и позволяло оперативно устранять наметившиеся сбои [Микрюков 2020]. Например, в 1942 году Маленков лично курировал восстановление производства на танковых заводах Урала, что позволило увеличить выпуск техники на 30% за три месяца.

Уникальность ГКО заключалась не только в его широких полномочиях, но и в интеграции военных и гражданских структур в единую систему управления, что было особенно важно в условиях тотальной войны. В своей статье «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим», анализируя управленческий опыт Великой Отечественной войны, Президент России В.В. Путин писал: «Тяжелейшие военные поражения 1941 года поставили страну на грань катастрофы. Восстанавливать боеспособность, управляемость пришлось чрезвычайными методами, всеобщей мобилизацией, напряжением всех сил государства и народа. Уже летом 41-го под огнем врага началась эвакуация на восток страны миллионов граждан, сотен заводов и производств. В кратчайшие сроки в тылу был налажен выпуск оружия и боеприпасов, которые стали поступать на фронт в первую же военную зиму, а к 1943 году были превышены показатели военного производства Германии и ее союзников. За полтора года советские люди совершили то, что казалось

невозможным, и на фронте, и в тылу. И до сих пор трудно осознать, понять, представить, каких невероятных усилий, мужества, самоотверженности потребовали эти величайшие достижения»¹.

В отличие от США, где военное производство координировалось через Военно-промышленный совет с активным участием частного сектора, ГКО обладал прямой властью над всеми секторами экономики и общества, минуя посредников и рыночные механизмы [The Economics of World War II 1998]. Эта модель позволяла мгновенно перераспределять ресурсы между фронтом и тылом: так, в 1943 году ГКО принял решение о переброске металлургических мощностей с гражданских нужд на выпуск снарядов, что обеспечило успех наступательных операций Красной армии. Партийный аппарат, включая парторгов на заводах и местных секретарей, служил инструментом контроля и мобилизации населения, обеспечивая выполнение директив даже в условиях хаоса первых лет войны [Мулукаев, Малыгин 2023]. Такой подход контрастировал с более децентрализованными системами союзников, где решения принимались медленнее из-за необходимости согласования между ведомствами и частными компаниями.

Полученный опыт имел глобальное значение, укрепив позиции антигитлеровской коалиции и определив исход войны на Восточном фронте, который стал решающим для разгрома нацистской Германии. Для современной России ГКО предлагает модель управления в условиях новых вызовов и угроз, где оперативность и координация остаются критически важными факторами успеха. Таким примером в современной России стал Национальный антитеррористический комитет. Кроме того, опыт ГКО подчеркивает важность идеологической сплоченности, которая в XXI веке может быть достигнута через цифровые коммуникации и национальные проекты, направленные на консолидацию общества перед лицом внешних вызовов.

Современные механизмы управления в чрезвычайных условиях: примеры из Европы

Современные кризисы потребовали от европейских государств мобилизационных подходов, адаптированных к демократическим системам и рыночным условиям. Во Франции режим чрезвычайного положения во время пандемии COVID-19, введенный в марте 2020 года, позволил правительству оперативно вводить локдауны и реквизировать медицинские ресурсы, но ошибки в управлении снизили эффективность мер. Нехватка масок и средств защиты в начале пандемии была обусловлена недостаточной подготовкой складов и отсутствием стратегических запасов, что вызвало общественное недовольство². Централизованные ограничения, примененные без учета региональных различий, привели к экономическому спаду в менее пострадавших районах, таких как Бретань, где уровень заболеваемости был ниже среднего. Национальный кризисный штаб при президенте Э. Макроне ускорил кампанию вакцинации в 2021 году, но слабая коммуникация с обществом и недостаточная прозрачность решений подорвали доверие к властям³.

В Германии федеративная система борьбы с пандемией привела к значительной несогласованности действий между землями. Например, Бавария ввела строгие ограничения уже в марте 2020 года, тогда как Саксония откладывала меры, что вызвало неравномерную нагрузку на систему здравоохранения и увеличило смертность на ранних стадиях⁴. Институт Роберта Коха обеспечивал аналитическую поддержку, предоставляя ежедневные данные о заболеваемости, но отсутствие единого национального плана затруднило контроль над распространением вируса.

¹ 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 23.03.2025).

² COVID-19 Response in France: Lessons Learned // World Health Organization [Электронный ресурс]. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/368049/WHO-EURO-2023-7419-47185-69126-eng.pdf?sequence=1> (дата обращения: 01.04.2025).

³ Latest assessment on COVID-19 from the European Centre for Disease Prevention and Control (ECDC) // PubMed Central [Электронный ресурс]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7055041/> (дата обращения: 01.04.2025).

⁴ Germany Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) Daily Situation Report RKI 2020–2022 // Robert Koch Institute. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rki.de/DE/Themen/Infektionskrankheiten/Infektionskrankheiten-A-Z/COVID-19-Pandemie/Situationsberichte/Okt_2022/2022-10-11-en.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 01.04.2025).

Производство тестов и медицинского оборудования стало успехом благодаря сильной промышленной базе, однако координационные ошибки снизили общую эффективность управления кризисом [Белов 2021].

Польша в 2022 году столкнулась с миграционным кризисом из-за конфликта на Украине, приняв около 3 миллионов человек за несколько месяцев. Координационный центр при правительстве обеспечил оперативный прием беженцев, однако перегрузка приграничных зон, таких как Подкарпатское воеводство, и недостаток долгосрочного планирования равномерного распределения беженцев по стране вызвали социальную напряженность и перебои в снабжении⁵. Эффективность мер была достаточно высокой на начальном этапе благодаря мобилизации волонтеров и общественных организаций, но существенно снизилась в силу ограниченности финансовых ресурсов и отсутствия единой стратегии.

Эти примеры подчеркивают уязвимости демократических систем в условиях кризиса в силу таких факторов, как бюрократия, слабая координация и недостаточная подготовка, что разительно контрастирует с более жесткой советской моделью.

Заключение

Советский опыт Великой Отечественной войны демонстрирует выдающуюся эффективность мобилизационного управления и чрезвычайных органов в условиях экзистенциальных внешних угроз. Использование человеческих, промышленных и идеологических ресурсов, подкрепленное инструментами централизации и механизмами оперативного контроля, позволило СССР не только выстоять перед лицом агрессии, но и внести решающий вклад в победу во Второй мировой войне. Анализ показывает, что успех советской модели базировался на способности мобилизовать все доступные силы в краткосрочной перспективе, однако его ограничения проявились в истощении ресурсов и необходимости перехода к адаптивным стратегиям на более поздних этапах. Роль ГКО как уникального органа управления подчеркивает значение концентрации власти в кризисных условиях, что обеспечило оперативность и единство действий, недостижимые в менее централизованных системах. Этот исторический опыт остается актуальным для современной России, сталкивающейся с такими вызовами, как экономические санкции, региональные конфликты и технологические угрозы, где требуется сочетание жестких мер с гибкостью управления.

Сравнение с современными европейскими практиками выявляет как сильные, так и слабые стороны демократических подходов к управлению кризисами. Во Франции, Германии и Польше мобилизационные усилия сопровождались значительными ошибками, связанными с недостаточной подготовкой, бюрократической инерцией и слабой координацией между уровнями власти. Эти кейсы демонстрируют, что демократические системы, несмотря на их способность привлекать общественные ресурсы и поддерживать легитимность, уступают в скорости реакции и концентрации усилий по сравнению с советской моделью. Однако они обладают преимуществом в долгосрочной устойчивости благодаря большей вовлеченности общества и гибкости в адаптации к изменяющимся условиям. Для России этот контраст подчеркивает необходимость разработки гибридного (смешанного) подхода, который бы сочетал оперативность чрезвычайных органов с элементами прозрачности и региональной адаптации, характерными для европейских систем.

Аналитические выводы по ключевым вопросам исследования позволяют сделать следующие заключения. Ресурсы и механизмы СССР обеспечили выживание государства благодаря их тотальной мобилизации, что подтверждает применимость термина «мобилизационное управление» к военной и экономической сферам, но требует уточнения в отношении долгосрочных процессов восстановления.

⁵ Ukraine Refugee Situation/Poland // UNHCR [Электронный ресурс]. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine/location/10781> (дата обращения: 01.04.2025).

Чрезвычайные органы, особенно ГКО, сыграли решающую роль в обеспечении единства и оперативности, что делает их уникальным примером для изучения в контексте международной безопасности. Современные европейские механизмы, несмотря на ошибки, предлагают уроки в области координации и общественной поддержки, которые при необходимости могут быть интегрированы в российскую практику.

В условиях глобализации и новых типов угроз, Россия может использовать исторический опыт для создания адаптивных стратегий, сочетая централизованное управление с современными технологиями. Таким образом, исследование не только обогащает теоретическую базу международных отношений, но и предоставляет практические ориентиры для укрепления национальной безопасности в условиях нестабильного мира.

Список литературы:

Айрапетов О.Р. История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы: в 2 томах. Том 2. М.: Кучково поле Музеон, 2023.

Безбородов А.Б. Оборонно-промышленный комплекс России: история и современное развитие. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2024.

Белов В.Б. Коронакризис versus социальное рыночное хозяйство и экономическое пространство Германии // Современная Европа. 2021. № 4(104). С. 58–70. DOI: [10.15211/soveurope420215870](https://doi.org/10.15211/soveurope420215870)

Викторова Л.К. Эвакуация населения и промышленности в годы Великой Отечественной войны // Труды студенческого научного общества: сборник научных статей. Санкт-Петербург: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2024. С. 138–143.

Исаев А.В. От Дубно до Ростова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000.

Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р., Безвербный В.А., Фомин М.В. Промышленность и социальная инфраструктура в годы Великой Отечественной войны // Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Экон-Информ», 2020. С. 337–349.

Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я. Государственный Комитет Оборона и органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны. М.: Академия управления МВД России, 2023.

Никонов В.А. От Второй мировой к холодной войне. Немыслимое. М.: АСТ, 2024.

Стожко К.П. Советская Россия: опыт новейшей истории. Екатеринбург: ИД Стягъ, 2023.

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: Corpus (АСТ), 2017.

Davies R.W. Soviet Economic Development from Lenin to Khrushchev. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison / ed. by M. Harrison. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

References:

Ayrapetov O.R. (2023) *Istoriya vneshney politiki Sovetskogo gosudarstva v 1918–1941 gody: v 2 tomakh. Tom 2* [The history of the Soviet State foreign policy in 1918–1941: in 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon.

Belov V.B. (2021) The Coronavirus Crisis versus Social and Market Economy of Germany. *Sovremennaya Evropa*. No. 4(104). P. 58–70. DOI: [10.15211/soveurope420215870](https://doi.org/10.15211/soveurope420215870)

- Bezborodov A.B. (2024) *Oboronno-promyshlennyy kompleks Rossii: istoriya i sovremennoye razvitiye* [The Russian military-industrial complex: History and modern development]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet.
- Davies R.W. (1998) *Soviet Economic Development from Lenin to Khrushchev*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harrison M. (ed.) (1998) *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hlevnyuk O.V. (2004) *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya* [Stalin: The life of a leader]. Moscow: Corpus (AST).
- Meltyukhov M.I. (2000) *Upushchennyy shans Stalina. Sovetskiy Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939–1941* [Stalin's missed chance. The Soviet Union and the struggle for Europe: 1939–1941]. Moscow: Veche.
- Mikryukov N.Yu., Miryazov T.R., Bezverbnyy V.A., Fomin M.V. (2020) Promyshlennost' i sotsial'naya infrastruktura v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Industry and social infrastructure during the Great Patriotic War]. In: *Velikaya Pobeda sovetskogo naroda: sotsial'no-politicheskiye i demograficheskiye aspekty*. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo "Ekon-Inform".
- Mulukaev R.S., Malygin A.Ya. (2024) *Gosudarstvennyy Komitet Oborony i organy vnutrennikh del v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The State Defense Committee and the internal affairs bodies during the Great Patriotic War]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii.
- Nikonov V.A. (2023) *Ot Vtoroy mirovoy k kholodnoy voyne. Nemyslimoye* [From World War II to the Cold War. The Unthinkable]. Moscow: AST.
- Stozhko K.P. (2023) *Sovetskaya Rossiya: opyt noveyshey istorii* [Soviet Russia: The experience of modern history]. Ekaterinburg: ID Styag.
- Viktorova L.K. (2024) Evacuation of Population and Industry during the Great Patriotic War. *Trudy studencheskogo nauchnogo obshchestva: sbornik nauchnykh statey*. Saint Petersburg: Vserossiyskiy gosudarstvennyy universitet yustitsii (RPA Minyusta Rossii). P. 138–143.